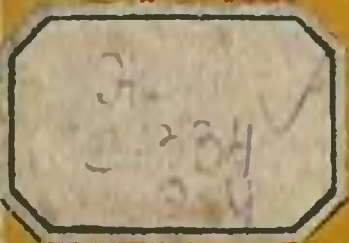

ЧЛНЖ

Э. Моррисон

(история молодой
собаки)

государственное издательство

НА ДОМ
НЕ ВЫДАЕТСЯ

ДЛЯ ДЕТЕЙ
СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Э. ТОМПСОН

C-334

Ч И Н К

(В СОКРАЩЕНИИ)

РИСУНКИ И ОБЛОЖКА

Л. ВИЛЬЯМС

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА * 1928 * ЛЕНИНГРАД

Ж.
C.334
Э.Ч

20175
1933 г.
Принято

~~120282~~

1957-58 г.

О Т П Е Ч А Т А Н О
в 1-й Образцовой типографии
ГИЗа. Москва, Пятницкая, 71.
Главл. А-8583. Д. 21. Гиз. 24656.
Заказ 6017. Тираж 20 000 экз.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Детская детская книги
ДЕТГИЗА

672894 КХ-рег

Российская государственная
детская библиотека

Ч И Н К

I

Чинк был уже настолько большим щенком, что воображал себя почти взрослой собакой. В действительности же он не был ни свиреп, ни даже внушителен с виду, не отличался ни силой, ни быстротою, а был просто шумливый, добродушный и глупый щенок. Его хозяин Билль Обрей был старый горец, живший в то время под горою Гарнет, в тихом уголке Иеллоустонского парка, далеко в стороне от дорог, излюбленных путешественниками. И то место, где Билль разбил свою палатку, можно было бы признать за одно из самых тихих и уединенных человеческих обиталищ, если бы не этот мохнатый, вечно неугомонный сожитель Билля.

Чинк никогда не оставался спокойным, хотя бы в течение пяти минут. Он посто-

янно пытался проделывать самые нелепые и невозможные вещи. Однажды, например, он провел целое утро в тщетных попытках вбежать на высокую, прямую сосну, в ветках которой он увидел белку.

В течение нескольких недель самой заветной мечтой Чинка было поймать одну из сумчатых крыс, которыми изобиловала равнина вокруг палатки Билля. Эти маленькие животные имеют обыкновение усаживаться на задние лапы, выпрямившись и плотно сложив передние лапы на груди, благодаря чему издали их можно принять за торчащие из земли колышки. В ночное время, при необходимости привязать к чему-нибудь лошадей, путешественники нередко впадают в подобную ошибку, которая сразу же выясняется, когда крыса, при приближении к ней, исчезает в земле с характерным вызывающим писком.

Чинк решил непременно поймать такую крысу в первый же день своего прибытия в долину. Как водится, он подошел к этому делу своим обычным путем, натворив много разных глупостей. Еще за

четверть мили от крысы он сделал великолепную стойку и затем прополз на брюхе по кочкам расстояние не меньше ста шагов, после чего его возбуждение достигло такой степени, что он больше не стерпел и, вскочив на ноги, пошел напрямик к крысе, которая в это время сидела над норой в своей обычной позе. Через минуту или две Чинк уже пустился бежать, а под конец, проделав еще одну из своих бесподобных стоек, он забыл всякую осторожность и бросился с лаем и прыжками на врага. Крыса сидела неподвижно до самого последнего момента, затем внезапно пискнула и нырнула в нору, бросив своими задними лапками целую горсть песка прямо в открытую пасть Чинка.

День за днем проходил в таких же бесплодных попытках. Однако Чинк не унывал, уверенный в том, что настойчивостью он своего добьется. В один прекрасный день, после необычайно искусной стойки перед одной совсем особенной крысой, Чинк, действительно, овладел своей жертвой. Но на этот раз случилось

так, что в зубах его оказался простой деревянный колышек. Но и эта неудача ненадолго охладила Чинка. Ничто не могло омрачить его бодрого настроения. Он любил всегда находиться в движении, всегда что-нибудь делать. Каждый проезжающий фургон, каждый всадник, каждая пасущаяся корова подвергались его преследованию, а если кошка из ближайшего сторожевого дома попадалась ему на глаза, он гнал ее домой как можно скорее. Он готов был двадцать раз на дню бегать за старой шляпой, которую Билль имел обыкновение забрасывать в осиное гнездо, командуя ему: „принеси!“

Понадобилось время для того, чтобы бесчисленные неприятности научили его умерять свой пыл. Чинк не сразу усвоил себе, что вместе с фургонами существуют на свете длинные бичи и большие злые собаки, что лошади имеют что-то вроде зубов на ногах, что головы коров снабжены крепкими дубинками, что кошка не так безобидна, как кажется, и что, наконец, осы и бабочки — далеко не одно

и то же. Да, на это понадобилось время, но, в конце концов, он усвоил все, что следует знать каждой собаке.

II

Все глупости, которые когда-либо проделывал Чинк, завершились одной самой изумительной глупостью в истории с луговым волком-койотом. Этот койот жил недалеко от нашего лагеря и, повидимому, прекрасно понимал, как и прочие дикие обитатели Йеллоустонского парка, все преимущества находиться под защитой закона, который запрещал кому бы то ни было стрелять и охотиться на территории парка.

Убежденный в своей безнаказанности, койот каждую ночь бродил около лагеря в поисках разных отбросов. По его следам, когда я впервые их увидел, можно было судить, что он несколько раз обходил лагерь, но не решался подойти ближе. Потом мы уже начали слышать его чарующую вечернюю песню, тотчас после захода солнца или при первых

проблесках утра. Его следы совершенно отчетливо виднелись около мусорного ведра каждое утро, когда я выходил посмотреть, какие животные побывали там в течение ночи. Осмелев еще больше, он стал иногда подходить к лагерю, даже днем, сначала робко, затем с возрастающей самоуверенностью, пока, наконец, он не только посещал нас каждую ночь, но, казалось, целыми днями держался поблизости лагеря, разыскивая что-нибудь съедобное или, на виду у всех, сидя на отдаленной кочке.

Однажды утром, когда он таким образом сидел в каких-нибудь пятидесяти шагах от лагеря, один из нашей компании в шутку сказал Чинку: „Чинк, ты видишь этого койота? Пойди и прогони его!“

Чинк всегда исполнял то, что ему говорили, и, желая отличиться, он бросился в погоню за койотом, который стал медленно удаляться. Это было великолепное состязание в беге на протяжении четверти мили, но картина совершенно изменилась, когда койот обратился на своего преследователя. Чинк сразу со-

образил, что ему не сдобровать, и стал удирать по направлению к лагерю. Но койот был быстрее и скоро настиг щенка. Куснув его в один бок, потом в другой, он всем своим видом выражал полное удовольствие, как будто предвкушал хорошую забаву для себя.

Чинк с визгом и воем мчался, что было мочи, а его мучитель преследовал его без передышки до самого лагеря. Стыдно сказать, но мы смеялись над бедным псом, вместе с койотом, и Чинк так и не дождался сочувствия, которого он бы заслуживал за свое усердие исполнять все, что ему прикажут.

После этого случая койот стал изо дня в день совершенно открыто слоняться около лагеря, зная великолепно, что никто не осмелится в него стрелять. В самом деле, замки всех ружей в нашей партии путешественников были опечатаны правительственными агентами при въезде в парк, и повсюду были стражники, наблюдавшие за соблюдением закона.

Этот койот, очевидно, только и ждал Чинка и выискивал всякую возможность

его помучить. Маленький пес знал теперь наверное, что, если он отойдет один на каких-нибудь сто шагов от лагеря, койот окажется тут как тут и будет кусать и гнать его назад до самой палатки хозяина. День за днем проходил в таких испытаниях, пока, наконец, жизнь Чинка не превратилась в сплошное мучение. Он больше уже не смел уходить один далее пятидесяти шагов от палатки. И даже, когда он сопровождал нас во время наших поездок по окрестностям, этот нахальный и злобный койот следовал по пятам, поджидая, чтобы представился случай поиздеваться над бедным Чинком, и портил ему все удовольствие прогулки.

Скоро Билль передвинул свою палатку на одну милю от нас выше по течению реки, и койот переселился на такое же расстояние вверх по течению. Как всякий хищник, не встречающий сопротивления, он становился день ото дня нахальнее, и Чинк постоянно испытывал величайший страх, над которым его хозяин только подсмеивался. Свое решение отделаться от нас Билль объяснил

необходимостью иметь под рукою лучший корм для лошади. Но вскоре выяснилось, что он просто искал одиночества, чтобы без помехи распить бутылку водки, которую где-то раздобыл. А так как одна бутылка не могла его удовлетворить, то на другой же день он оседлал коня и, сказав: „Чинк, охраняй палатку!“ — ускакал через горы к ближайшему кабаку, и Чинк послушен остался на часах, свернувшись клубочком у входа в палатку.

III

При всей своей щенячьей нелепости Чинк все же был верным, сторожевым псом, и хозяин его знал, что он будет исправно исполнять свои обязанности по мере сил.

Настал вечер, а хозяин еще не возвратился, и Чинк начал испытывать сильный голод. В палатке лежал мешок, а в мешке было немного свинины. Но хозяин приказал Чинку стеречь его имущество, и Чинк скорее мог бы издохнуть от голода, чем решился бы к нему притронуться. Терзаемый муками голода,

он осмелился, наконец, покинуть свой пост и стал бродить невядалеке от палатки в надежде поймать мышь или вообще что-нибудь съедобное, но этот отвратительный койот снова атаковал его и заставил бежать обратно к палатке.

Тут в Чинке произошла большая перемена. Он был еще только щенком, глуповатым и нелепым, но казалось, он вспомнил о своем долге, и эта мысль придавала ему силы. В ту минуту, когда койот пытался последовать за ним в самую палатку—палатку его хозяина—Чинк повернулся лицом к врагу, грозный как маленький демон.

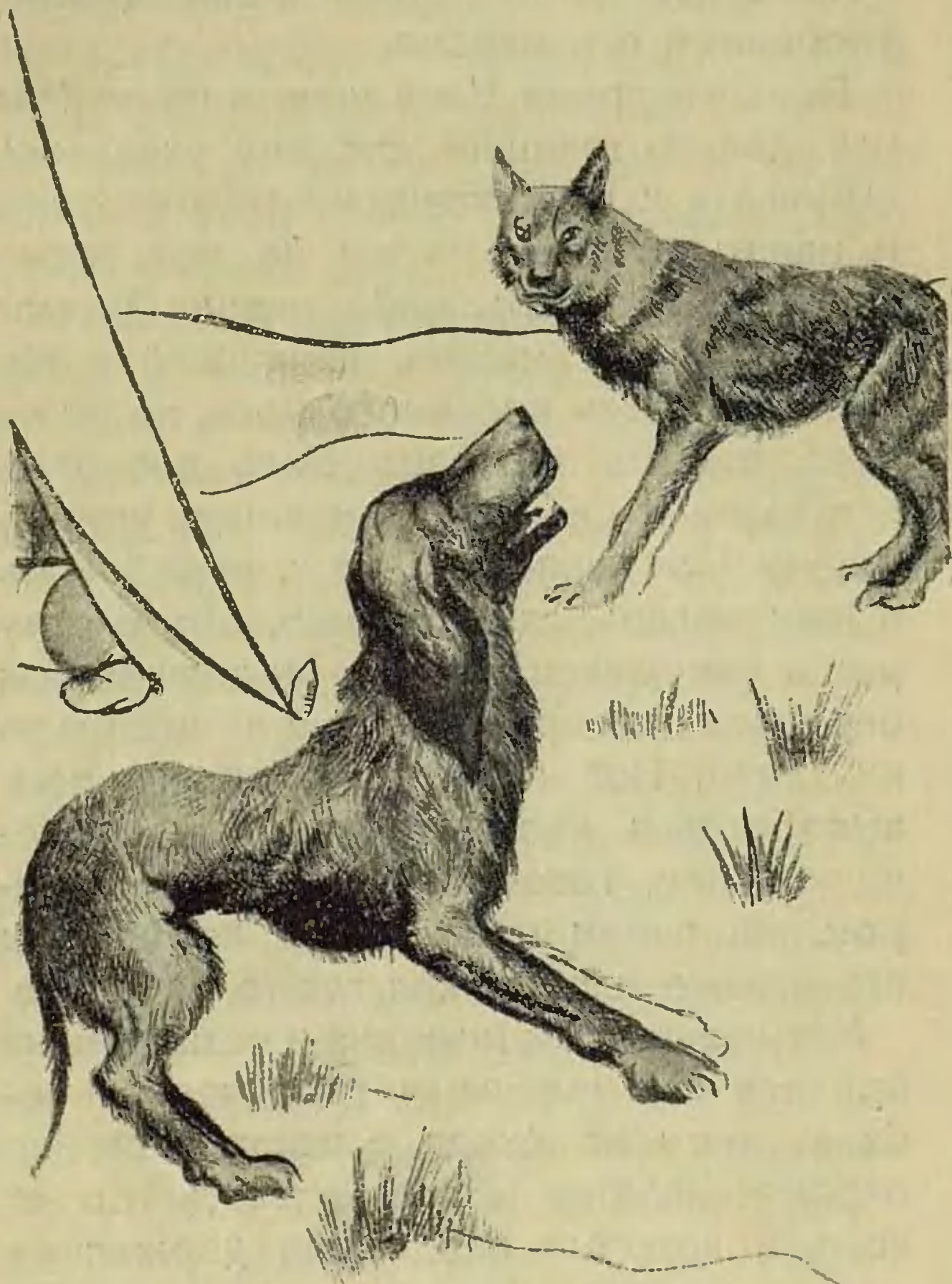
Койот попятился назад, злобно рыча и, вероятно, угрожая разорвать щенка на куски в самом ближайшем времени. А все-таки он не осмелился войти в палатку!

После этого началась самая настоящая осада. Койот возвращался каждую минуту; расхаживая вокруг, скреб землю задними лапами или вдруг опять направлялся прямо ко входу в палатку, и бедный Чинк, полумертвый от страха, проявлял всякий раз достаточно мужества

при малейшем покушении на имущество, вверенное его охране.

Все это время Чинк ничего не ел. Раз или два в течение дня ему удавалось выбежать к протекавшему рядом ручью и напиться воды, но он не мог также быстро раздобыть себе пищи. Он мог бы прогрызть мешок, лежавший в палатке, и поест копченого мяса, но он не смел тронуть того, что было доверено его охране. Он мог бы, наконец, улучшить минуту и, оставив свой пост, перебежать в наш лагерь, где, конечно, его бы хорошо накормили. Но нет, он должен был оправдать доверие хозяина во что бы то ни стало. Под натиском врага из него выработался настоящий верный сторожевой пес, готовый, если нужно, умереть на своем посту, в то время, как его хозяин пьянствовал где-то за горою.

Четыре злосчастных дня и четыре ночи провела эта маленькая героическая собака, почти не сходя с места и стойко охраняя палатку и хозяйское добро от койота, который все время держал ее в смертельном страхе.

672894

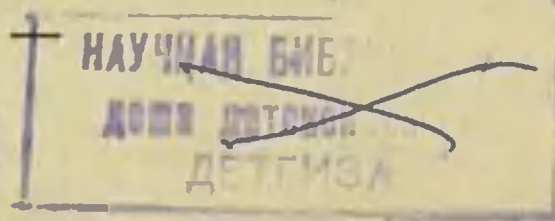
Российская государственная
детская библиотека

На пятый день утром старый Обрей отрезвился и вспомнил, что он не у себя дома, а его лагерь в горах оставлен на попечение маленькой собаки.

Билль сразу оседлал коня и направился в обратный путь. На полдороге в его затуманенной голове промелькнула мысль, что он оставил Чинка без всякой еды. „Неужели маленький негодяй слопал всю мою ветчину?“ — подумал он в тревоге и заспешил домой, пока не доехал до гребня горы, откуда видна была его палатка. Все было попрежнему на своем месте, и там, у входа в палатку, ошестинившись и рыча друг на друга, стояли, лицом к лицу большой, злобный койот и бедный маленький Чинк.

— Ах, чтоб меня!.. — воскликнул Билль смущенно. — Я совсем забыл про этого проклятого койота. Бедный Чинк, он попал в тяжелую передрагу! Удивительно, как это койот еще не разорвал его на куски, да и палатку в придачу.

Да, Чинк был на месте, мужественно, быть может, в последний раз выдерживая натиск врага. Его ноги дрожали

под ним от страха и голода, но он все еще старался иметь самый воинственный вид и, без сомнения, готов был так же, как всегда, умереть, защищая свой пост.

Холодные серые глаза горца, при первом же взгляде, уяснили себе всю картину. Подскакав к палатке и увидя нетронутый мешок с ветчиною, он понял к тому же, что Чинк ничего не ел с самого дня его отъезда. А потом щенок, дрожа от страха и усталости, подполз к нему, заглянул ему в лицо и стал лизать руку, как бы желая сказать: „Я сделал то, что ты мне велел, хозяин“.

Это было слишком для старого Обрея, и слезы стояли в его глазах, когда он поспешил достать пищу маленькому герою.

Затем он повернулся к нему и сказал:
— Чинк, старый дружище, я с тобой поступил очень плохо, а ты со мной хорошо. Обещаю, что никогда больше не оставляю тебя дома, если отправлюсь погулять еще разок. Не знаю, чем бы тебя порадовать, дружище. Вот разве

я избавлю тебя от твоего самого большого врага. И я это сделаю, вот увидишь!

При этих словах он снял с шеста посреди палатки свою гордость, свой дорогой магазинный карабин и, не думая о последствиях, сломал казенные печати с орлами и вышел за дверь.

Койот, по обыкновению, сидел невдалеке, скаля зубы с дьявольской усмешкой. Но прогремел выстрел, и царство ужаса для Чинка окончилось.

Не велика беда, если подоспевшие стражники обнаружили, что нарушен закон об охране парка, что старый Билль застрелил одного из его диких обитателей. Не велика беда, если потом его карабин был отнят и уничтожен, и он вместе со своим четвероногим сожителем был позорно изгнан из парка без права когда-либо вернуться, под угрозой тюремного заключения.

— Ладно!— сказал Билль.— А все-таки я сделал доброе дело для своего товарища,— товарища, который никогда меня не выдавал.

Page 100

1

К

10 коп.

18415

80=

1 9 2 8